

ВЛАДИМИР
ПОСЕЛЯГИН

ОХОТНИК

ОХОТНИК
ЗВЕРОЛОВ
ЕГЕРЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «БФ-коллекция»

Оформление В. Дворник

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

П61 Поселягин, Владимир Геннадьевич

Охотник: Охотник. Зверолов. Егерь: сборник / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 816 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-114337-4

Он МОНСТР, он НЕЛЮДЬ, он ЧУДОВИЩЕ. Именно так бы подумали простые люди, если бы узнали, кто ОН на самом деле. Но никто так и не узнал, ОН погиб при выполнении служебного долга при задержании наемного убийцы, а его сознание и душа переместились в прошлое. Теперь он Игорь Соколов, пятнадцатилетний школьник. Граждане шестидесятых даже не подозревали, кто теперь находится рядом с ними под личиной добропорядочного юноши. Зато об этом скоро узнают серийные убийцы и маньяки, ведь теперь в теле юноши находится охотник, который знает о них всё. Так вот что я скажу вам: прячьтесь, ведь охотник выходит на тропу войны. Скоро вы станете такой же дичью, как и ваши жертвы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-114337-4

© Владимир Поселягин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОХОТНИК

Пролог

— Давай, — кивнул я Косте.

Мы расположились по обеим сторонам от двери, чтобы, если что, нас не достала пуля или взрывная волна. Это уже профессиональная привычка.

Костя Мельников, опер из нашего отдела, нажал на дверной звонок.

Адрес был не простой. Я бы даже сказал, очень не простой. Он был вторым в списке, где мог находиться Кривой — отморозок, которого мы ловим вот уже полдня. Почему второй? Потому что в первом мы уже были, и он там не появлялся.

По второму адресу жил его сослуживец. Кривой с ним не общался, но я поставил его на верхнюю строчку в поисках, чутье редко подводило меня.

Было нас пятеро. Кривой, в миру Всеволод Зиновьев, был когда-то капитаном. Служил в Афгане в мотострелковых войсках, командовал разведротой. Тот еще тип. Тренировок не забросил, жиром за пятнадцать лет не заплыл — опасный соперник, но не для меня, я и не таких делал. Сейчас Зиновьев считался элитным киллером. Но работал он грязно, свидетелей, даже если это дети, убирал на месте без всяких сомнений. Именно поэтому мы и работали по нему. Наш райотдел хоть и находился в новостройках, но был на хорошем счету. Восемьдесят процентов раскрываемости — это как? Работаем. Нужно сказать, что мозги у меня всегда варили, поэтому неудивительно, что я уже два года как зам нашего начальника СКМ. Так что все раскрытия были на мне. Нет, реально, почти весь процент раскрытий был на мне. Голова варила, хотя все удивлялись, как-то не вязалась гориллоподобная фигура с титаном мысли, но... Уже три года, как должны были дать майора, но я все еще ходил в капитанах из-за одного случая с полковником.

Так вот, на последнем деле Зиновьев положил чету предпринимателей. Так еще, когда уходил, убил и соседей жертв, двух

мальчишек семи и девяти лет, вышедших на лестничную площадку в ожидании родителей.

Плохо было не только то, что он убил детей, хуже для него было, что он сделал это в нашем районе. Сейчас же мы находились в другом районе Питера, проверяя его возможные хаты. Три дня мы пахали как проклятые, пока не смогли его вычислить, и вот теперь очередной адрес. Повезет или нет.

Работали мы как обычно. Один опер в подъезде на первом этаже. Один на улице, и двое со мной.

«Макаров» в руке, уже готов к бою, когда, наконец, мужской голос спросил:

— Кто там?

Глазка в двери не было, и хозяин четырехкомнатной квартиры на одиннадцатом этаже не видел нас.

Заранее приглашенный сосед, бросив на нас испуганный взгляд, слегка дрожащим голосом сказал:

— Сергей, это Витя. У тебя стольника до завтра не будет? Трубы горят.

— Что, опять наклюкался вчера? — благожелательно поинтересовался хозяин, щелкая замками.

По моему жесту сосед отошел в сторону и спустился на несколько ступенек вниз, с интересом наблюдая.

Как только дверь чуть приоткрылась, я просунул пальцы и, упершись ногами о косяк, мощным рывком дернул дверь на себя.

Как и думал, цепочку хозяин не снял. Со звоном отлетело порванное звено, и я от толчка покатился назад. Все это отработывалось не раз, так что на моем пути никого не было. Пока я вставал, оба опера с криком: «Лежать! Работает ОМОН!» — ворвались в квартиру, положив хозяина на пол. Вскочив, я последовал за ними, держа пистолет наготове.

Быстро осматривая комнаты, мы продвигались дальше. Вдруг сзади раздался щелчок. Повернувшись, я чуть не получил резко распахнувшейся дверью по лицу. Комната, которую только что проверил Костя, была не пустой.

От удара я защитился рукой, но все равно толчок был мощный, и мои сто семнадцать килограмм живого веса полетели назад. С грохотом приземлившись на спину, я тут же вскинул пистолет и, не обращая внимания на боль в спине, дважды нажал на спуск, дырявя дверь.

— Проверка! — крикнул я, вскакивая.

Мы держали дверь на прицеле, придвигаясь ближе.

— Граната!!! — заорал второй опер Алексей Мотыльков.

Зиновьев был боевым офицером, так что шансов у нас не было. Граната разорвалась без задержки. Меня спасло то, что это была РГД и все двери были открыты. Взрывная волна, приподняв, швырнула меня назад. Судя по тому, что упал на мягкое, и это мягкое вскрикнуло, упал я на одного из своих оперов. Леха стоял справа, значит, придавил Костю. Взрыв не прошел бесследно, грудь и живот пекло. Я заслонил собой от осколков и Леху, и Костю. Проблема была еще в том, что получил контузию, да еще фактически не слышал.

Перед глазами что-то стремительно мелькнуло и выскочило на лестничную площадку.

Шатаясь, я встал, обвел взглядом своих парней:

— Как вы?

Судя по тому, что ответа не было, они получили такую же контузию, как и я.

— Я за ним, оставайтесь тут! — скомандовав, я ринулся вслед за Зиновьевым — на сто процентов уверен, что это был он.

Перепрыгнув через продолжавшего лежать в прихожей хозяина квартиры — судя по всему, ему досталось осколками, — поскакал по ступенькам вниз, перепрыгивая сразу через несколько. Бежать было трудно. Сильно пекло грудь и стала проявляться слабость, но, сжав челюсть, я продолжал спускаться со всей возможной скоростью.

На нижней площадке полулежал Кирилл — тот опер, что я оставлял внизу, — зажимая окровавленный живот.

— У него мой пистолет... и еще нож. Быстрый, сука... я удары даже не заметил, — прохрипел он.

Молча пробежав мимо — кровника надо догнать, — я рывком распахнул входную дверь и сразу же получил две пули в грудь.

В десяти метрах передо мной стоял Зиновьев с надвинутой на глаза бейсболкой. Он был во всем черном, стоял и стрелял в меня.

«Как глупо попался!» — была последняя мысль.

Костя, придерживая сломанную руку, быстро спускался вниз, следуя за капитаном.

«Черт, если бы лифт работал!..»

На третьем этаже он услышал, как скрипнула входная дверь, сразу же за этим раздались выстрелы. Подскочив к окну, Мельников посмотрел вниз. Там стоял разыскиваемый Зиновьев и стрелял в командира. На глазах Кости происходило страшное.

Капитан Вольных, получая в грудь полю за пулей, шел на подкашивающихся ногах вперед, приближаясь к киллеру, лицо которого

все больше вытягивалось. Вдруг капитан вскинул руку, и прозвучала быстрая серия выстрелов. Было такое впечатление, будто в руках у командира не обычный «макаров», а пистолет-пулемет.

Получив эту «очередь» в грудь, Зиновьев упал. Поглядев на покачивающегося капитана, Костя собрал все силы и стремглав побежал вниз. Он прекрасно знал: в этот раз Олег бронезилет не надел.

— Как ты? — спросил он Кирилла, лежавшего на ступеньках.

— Держусь... со «скорой» бы поторопились... — в два приема выдохнул молодой опер.

— Ща все будет! — проорал Костя, продолжая бежать, он уже успел связаться с дежурным отдела.

Выбежав наружу, Константин замер. Вольных лежал на спине, изредка по его телу пробегала судорога. Зиновьев лежал без движения. Только сейчас Мельников заметил пятого оперативника, Егора. Он лежал чуть сбоку с ножом в горле. «Метательный», — машинально отметил он.

— Олег? — подбежал Костя к капитану и упал рядом на колени.

Прохрипев несколько слов, тот замер.

Завыв, Мельников со всей силы ударил рукой по земле.

* * *

Меня натурально месили ногами. Это была не драка, а убийство, так бьют, чтобы убить. Знаю, сам не раз бывал в такой ситуации, и ногами работать умел.

Сквозь кровь, которая стекала на глаза, я быстро осмотрелся, продолжая закрываться руками. Удивительно, что били меня говнюки лет по пятнадцать-шестнадцать. Самое главное — я не понимал, где я. Последнее, что помню — как Зиновьев выпускает в меня магазин, пуля за пулей... и все, я почти сразу оказываюсь на земле, и меня месят эти малолетние твари.

До скрипа зубов хотелось ответить, но проблема была в другом, я совершенно не чувствовал своего тела. То есть мозг давал импульсы конечностям, по крайней мере когда я захотел закрыть голову руками, это произошло, но все же тела я не чувствовал.

Больше всего меня тревожила непонятность происходящего. Где я? Где мой пистолет? Что это за гаденыши? Где мои парни? Где новостройка, в которой мы проводили столь неожиданный захват? Я успел охватить за одно мгновение окружающую нас улицу. Пятиэтажные дома из красного кирпича? Черт, да где я?

Вся эта круговерть молниеносно пронеслась в голове, дальше я уже действовал на инстинктах. Раз не чувствую боль и тело бо-

лее-менее послушно, так надо показать этим соплякам, что может бывший офицер спецназа ФСБ.

Взяв в «ножницы» ноги одного из салажат, я провел серию ударов по конечностям мелких хищников. Результат был не тот, на какой я рассчитывал. Нет, кость у одного хрустнула, и он с воплем упал, но другие просто отскочили.

Что за черт? Я смотрел на не свои руки. Они могли принадлежать какому-нибудь очкарику-музыканту, но никак не здоровой горилле в сто двадцать килограмм живого веса.

— Бей урода! — прозвучал мальчишеский крик. Видимо, вожака.

Дальше я крутился на инстинктах, при этом стараясь запомнить лица зверенышей. Месть — одна из болезней, которую я так и не смог преодолеть. Заметив взмах арматуры, машинально откатился в сторону, уходя от удара. Это меня спасло, вместо головы хрустнула рука ниже локтя. Только тут я начал чувствовать тупую боль.

Я уже поплыл, когда прозвучал вдали чей-то возмущенный женский крик, и гаденьши, подхватив своего, прыснули от меня в стороны. Лишь на силе воли приподнявшись, я посмотрел одним глазом на кричавшую — второй был, похоже, выбит — и увидел бегущих ко мне двух женщин в странной одежде. Это было последнее, что помню, целая рука внезапно подломилась, и я ткнулся лицом в землю.

Сначала было слово... и это слово было матерным.

— ...утку тут бросила? — послышался несколько интеллигентный голос. Даже не открывая глаз, я понял, что рядом один из представителей древнейшей профессии, целитель. Или, проще говоря, врач.

— Извините, Иван Эммануилович, санитарка тут убиралась. Видимо, забыла утку убрать.

— Матрена?

— Она.

Наконец мне удалось разлепить один глаз и, чуть повернув голову, посмотреть в сторону говорящих, второй категорически отказывался открываться.

Там действительно обнаружили двое. Мужчина лет сорока пяти в странном, но несомненно медицинском халате, и медсестра примерно лет тридцати с конопатым лицом. Доктор в это время, чуть нагнувшись, отряхивал забрызганные штаны, что заставило

меня усмехнуться, слегка скривившись от боли в разбитых потрескавшихся губах.

С трудом приподняв левую руку и покрутив кистью, я осмотрел ее. После чего вздохнул: это была не моя рука. Правая была в гипсе. Пока доктор выговаривал медсестре, видимо старшей, раз она отвечала за санитарок, я быстро прикинул варианты. Единственная пришедшая мысль — это не суетиться, нужно косить под потерявшего память, пока не разберусь, что со мной. То, что меня убил киллер, я уже не сомневался. Но где я? Кто я? Пока не выясню — ничего и никого не знаю. Я знал, гибкое мышление и достаточно жесткий характер монстра в человеческом обличье не дадут мне нервничать и истериковать от всего этого.

— Иван Эммануилович, больной открыл глаза, — отвлекла от себя внимание врача медсестра, заметив, что я рассматриваю их.

— Игорь? Как ты себя чувствуешь? — перестав отряхиваться, поинтересовался доктор, подходя ближе.

«Отлично, теперь я знаю, как зовут это тело!» — мелькнула мысль.

— Плохо. Все болит, и второй глаз не открывается, — пробормотал я, с трудом ворочая языком.

Видимо, поняв мои затруднения, врач велел медсестре напоить меня. Взяв поилку с тумбочки, женщина подошла и дала напиток через короткий носик.

— Тело болит? Странно было бы, если бы не болело. На тебе живого места нет, все тело — сплошной синяк. Я до сих пор понять не могу, как так получилось, что, кроме сломанной руки и носа, никаких переломов у тебя нет. А глаз? Правый глаз не откроется, пока здоровенная гематома не спадет.

— Понятно. А кто я?

Вопрос повис в воздухе. Доктор открывал и закрывал рот, изумленно глядя на меня. Медсестра, убиравшая поилку, замерла, удивленно обернулась и посмотрела на врача.

— Так! Что ты помнишь?

— Ничего. Совсем. Только ваши голоса, открываю глаза и вижу вас, остальное как в тумане, — после того как попил воды, разговаривать стало заметно легче, но я все равно шепелявил, полость рта была странной, не моей, не привычной. Видимо, от этого и шла эта невнятность.

— Что это такое? — вдруг спросил меня доктор, тукнув пальцем в стул.

Я на автомате ответил:

— Стул.

— А это?

- Медицинский халат.
- А я кто?
- Доктор, наверное.
- Хм, — врач задумался.

Кстати, когда обзывал врача доктором, медсестра тихо охнула. Проанализировав, что бы это значило, понял, что доктор это тело знает. И скорее всего, тело тоже знало врача.

— Ты меня помнишь? Посмотри внимательней, может, вспомнишь? — попросил врач, закончив размышлять.

— Вы Иван Эммануилович, — сразу же ответил я.

— Вспомнил? — обрадованно хлопнул себя по колену врач.

— Нет, — расстроил я его. — Слышал, как к вам обращается медсестра.

— Понятно, — он снова задумался.

— Вы еврей? — поинтересовался я, с интересом его разглядывая одним глазом.

— Да, это тебя как-то волнует?

На этот вопрос предпочел промолчать. Не то чтобы не любил евреев, я был полностью согласен с одним человеком: «Убей еврея — сделай мир чище». Хотя он вроде про иудея говорил, но особой разницы я не видел, так что при любой возможности портил им жизнь конкретно. По крайней мере всех Кацев и Рабиновичей из своей девятиэтажки повывел, кто сам уехал, а кто и... Но это другая тема, трупом в речке больше, трупом меньше... Кто их считает?

Видимо, доктор понял меня правильно, но почему-то не рассердился, а насмешливо хмыкнул.

— Настя, приберись тут, я сейчас вернусь, — велел врач и, бросив на меня быстрый взгляд, вышел из палаты.

— Настя? Вы ведь Настя? Если можно, я бы хотел еще воды и приподняться, сесть то есть.

Медсестра просьбу выполнила, напоила и помогла принять полусидящую позу, приподняв подушку.

Пользуясь возможностью, осмотрелся и почти сразу наткнулся на пару внимательных глаз. Палата оказалась четырехместная.

У противоположной стены на кровати лежал мужчина с забинтованным животом, судя по виду — или без сознания, или просто спит. У той же стены, но ближе к окну, еще один, с забинтованной челюстью, это он меня рассматривал. Кто был сзади, не видел, но судя по громкому сопению, там тоже кто-то лежал.

Медсестра Настя сама устроенный бардак убирать не стала, а нагнала целую толпу санитарок, которые быстро придали палате первоначальный вид, даже пол вымыли, причем дважды.

Доктор вернулся не один, а в компании других врачей, причем ни одного молодого, всем на вид за полтинник. Главенствовал среди них сухонький старичок академического вида с орденскими планками, мелькнувшими под расстегнутым халатом. У этого, в отличие от остальных, халат расстегивался спереди. Среди знаков отличия я четко различил и опознал одну — орден Ленина. Боевой старик, похоже.

Поправив рукав новенького свежего халата, Иван Эммануилович подошел ко мне и, посмотрев в открытый глаз, сказал:

— Ну что, Игорь, давай мы тебя осматривать будем.

И действительно, полностью осмотрели, дальше они работали по моей амнезии. После часа расспросов был поставлен диагноз. Диссоциированная амнезия. Знать бы еще, что это за амнезия, но врачи ничего не сказали. Негромко совещаясь, они вышли из палаты, оставив нас одних.

Было скучно, но я развлекался тем, что пытался овладеть рукой, точнее пальцами. Рука не своя, движения фактически другие, рефлексy не действуют, вот и смотрел на молодую, фактически мальчишескую безволосую руку и разгибал и сгибал пальцы.

«А ведь, кто я такой, мне так и не сказали», — подумал я меланхолично. Одно и то же действие меня как-то усыпляло, поэтому мысли текли медленно. Я не знал даже какое сейчас время суток, не считая дня недели, месяца, да и года.

Лежал я головой к окну и ногами к двери, так что улицы не видел, хотя если судить по уровню света и солнечному лучу, сейчас день, ближе к вечеру, точно не скажу. Анализ одежды врачей и медсестер показал — если за окном не осень или весна, то зима точно. Некоторая одежда, что мелькала под халатами, на это намекала. Так что я попал не только в другое тело, но и, похоже, время года изменилось, интересно только насколько?

— На ужин! — услышал я женский крик в коридоре. Однако из нашей палаты так никто и не встал, видимо, все тут были лежачие.

Через пару минут в дверь ткнулось что-то железное, и в палату вкатилась тележка с тарелками.

— Ну что, больные, сейчас кормить вас буду, — известила нас санитарка. Я уже научился их различать, халаты были немного другие.

Сначала она подошла ко мне и поинтересовалась:

— Сможешь пользоваться столовыми приборами?

— Пока не попробую, не узнаю. Помогите есть.

Санитарка помогла мне есть и поставила на стул тарелку с кашей и стакан чая.

— Вот хлеб и ложка.

Взял протянутую ложку, причем получилось только со второй попытки. С первой я позорно промахнулся.

«Нет, надо что-то с этим делать, да и осмотреть себя тоже нужно. А то, может, попал в тело какого-нибудь задохлика, вроде нашего Мойши, которого я сунул в мусорный бак», — размышлял я, пытаюсь поесть, однако и тут чужие руки внесли свои коррективы — ложка тыкалась в любое место, кроме рта. То есть если я ел задумавшись, то ложка точно проходила мимо рта, если сосредотачивался и смотрел на нее, то попадал куда надо. Однако было одно но: сосредоточиться было трудно, я постоянно прикидывал разные варианты своего, можно сказать, внедрения, и свои шансы на легализацию.

Вопрос решился просто: я стал пользоваться двумя руками. По крайней мере так не разбрызгивал кашу и попадал куда надо. Судя по всему, такой разнос в движениях был из-за нашей разницы в комплекции. Доедая кашу, стал обдумывать эту версию.

«А ведь похоже. Это что, теперь мне полностью нужно переучиваться на новое тело? М-да, но как ни странно, это даже к лучшему, чем больше времени проведу в больнице, тем легче будет адаптироваться».

Вытерев полотенцем, висящим на спинке кровати, лицо, с интересом посмотрел на соседа сзади, которого как раз сейчас кормила санитарка. Это был могучий мужчина лет сорока с усами, как у Буденного. Судя по гипсу, у него были сломаны обе руки.

Осторожно, потихонечку приняв полусидячее положение, я стал размышлять о своей будущей судьбе, однако ни к чему это не привело. Слишком мало информации. Нет, кое-что есть, конечно. Хотя бы одежда, да и обстановка в палате. Было такое впечатление, что я застрял в какой-то больнице в самой глухомани, которая так и осталась на уровне конца шестидесятых.

— Больной, вы съели только половину, — тихо произнесла санитарка.

— Не хочется больше, спасибо.

Проследив взглядом, как санитарка вместе с тележкой вышла из палаты, снова было уставился в потолок, как дверь открылась, и вошел Иван Эммануилович.

— Игорь, как ты себя чувствуешь? — поинтересовался он, требовательно глядя мне в глаза.

— Как сильно избитый человек. Может, вы все же расскажете мне, кто я? — Но ответа так получить и не успел. Дверь в палату внезапно распахнулась и к нам ввалилась странное существо, в котором я позже опознал женщину лет сорока в ворохе одежд и юбок.